

К Р О К О Д И Л

№ 22 АВГУСТ

к 556

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1936

15

ДЕТИ ЭПОХИ РАЗОРУЖЕНИЯ

Рис. Жана Эффеля (Париж)

— А это что: бабочка-истребитель или мотылек-бомбардировщик?

ВЕЧЕР ИВАНОВА

МИСТИЧЕСКАЯ ДРАМА

Автор. Вы, взявшие в руки журнал, чтобы позабавиться и посмеяться над отдельными конкретными недостатками, имеющими место на сегодняшний день, внимайте страшной истории о том, как проводит выходной вечер отдельный конкретный человек, не изживший отрывки прошлого, попросту говоря, обыватель.

(Исчезает, нервно почесываясь.)

Комната Иванова, вся заставленная мебелью. Иванов с интересом читает телефонную книгу.

Жена Иванова. Целый день ты читаешь.

Иванов. Мусичка, ты ж подумай, какие только бывают фамилии: Циндрик... ха-ха-ха... (Смеется.)

Жена Иванова. Так, значит, и будем сидеть дома?

Иванов. А что ж, можно и в гости сходить. Хотя бы к Щекотихиным.

Жена Иванова. У Щекотихиных я была три раза, а она у меня ни разу. Лучше уж тогда к Гуревичам.

Иванов. Гуревичу я должен 70 рублей.

Жена Иванова. Ну к Брюхоненко.

Иванов. К Брюхоненко мне не хочется...

Жена Иванова. Имне не хочется... А куда ж кроме?

Иванов. Ну, пойдём к Брюхоненко...

Жена Иванова. Пойдём...

„НАУЧНАЯ“ ГЕОГРАФИЯ

Рис. М. Храпковского

Флажками на карте обозначены города, где некий „уважаемый профессор“ печатает свои ученые труды. В заштрихованной части земного шара (СССР) профессор живет, пользуется гражданскими и имущественными правами, персональной машиной, научным оборудованием и библиотеками, но своих трудов не печатает.

Занавес.

Комната Брюхоненко. Чем-то неуловимо напоминает обиталище Иванова. Брюхоненко держит в руках железнодорожное расписание.

Брюхоненко (бормочет). Москва, Сортировочная, Перово... (Стук в дверь.) Войдите.

Входят Иванов и его жена.

Брюхоненко. Батюшки, кого я вижу!

Иванов (любезно). Да... дай, думаем, зайдем...

Брюхоненко. И очень хорошо! Мы сейчас чайку...

Жена Иванова. Мы пили...

Брюхоненко (открывая дверь, кричит в коридор). Котик, где же ты?..

Жена Брюхоненко (входит с чайником). Вот хорошо-то... Мы сейчас чаю...

Жена Брюхоненко ставит на стол угощение. Жена Иванова с видом знатока следит за этим.

Жена Иванова. Вам присылают надом продукты?

Жена Брюхоненко. Да, наша «Бакалея» присылает надом.

Иванов. А мы заказали сырковую массу, а нам принесли надом синьку.

Жена Брюхоненко. Странно... Теперь всюду масса сырковой массы.

Брюхоненко. Один мой сослуживец заказал себе пельмени к 5 часам для гостей. Проходит 5 часов — пельменей нет. Проходит 6 часов, 7, 9, 11... Гости пошли в ресторан. А в 4 часа утра вдруг звонки. Что такое? Принесли пельмени.

Жена Иванова. Ай-ай-ай...

Иванов. Что же вы не на даче?

Жена Брюхоненко. На даче трудно с керосином. Поездом запрещено возить.

Иванов. Один знакомый возил керосин в футбольном мяче. Налет полную камеру керосину и едет будто на матч.

Брюхоненко. Это не Корпачев возил?

Жена Брюхоненко. Кстати, где теперь Корпачев.

Иванов. Его перебросили в Облтююпр.

Брюхоненко. Что вы? А я думал, он — Госогурпу.

Жена Иванова. Вы слышали: Симакова разошлась с мужем и ушла к Шошину.

Жена Брюхоненко. Да, да! Потом она хотела вернуться, но Симаков не согласился.

Жена Иванова. Нет, это она не согласилась, а он хотел.

Брюхоненко. Ничего подобного. Шошин хотел, а не согласилась новая жена Симакова.

Иванов (указывая на угощение). Вам надом присылают?

Брюхоненко. Присылают, только путают.

Жена Брюхоненко. На дачу мы из-за керосина не поехали.

Жена Иванова. Значит, Корпачев уже в Облтююпре.

Иванов. Да, да. А Симакова разошлась все-таки с мужем..

Брюхоненко (указывает на угощение). Надом ведь принесли..

Иванов. Ну нам пора.. (Все встают.)

Жена Брюхоненко. Посидели бы еще..

Жена Иванова. Нет, нет, надо, надо!..

Занавес.

Улица. Поздний вечер. Светит фонарь. Идут Иванов и его жена.

Иванов. Всегда — ты. Жена Иванова. Что — я?

Иванов. Кто говорил (передразнивает): «Идем к Брюхоненко, к Брюхоненко!»? Скука, тоска, пропал вечер выходного дня.

Перед Ивановым возникает автор.

Автор. Вы недовольны вечером? Слушайте же меня. Я автор, я могу все. Я возвращаю вам ваш вечер!.. Смотрите: фонарь гаснет, вернулся солнечный свет. Сейчас 7 часов вечера, и вы можете делать, что хотите.. (Исчезает, громко сморкаясь.)

Иванов (он приободрился). Что ж мы будем делать?

Жена Иванова. Как — что?.. Пойдем в гости.. Ну, хоть к Гуревичам..

Иванов. Я ж ему должен 70 рублей.. Уж тогда пойдем к Щекотихиным.

Жена Иванова. А они к нам ходят?..

(Споря удаляются.)

Занавес.

Комната Щекотихиных. Вариация предыдущих жилищ. Стук в дверь.

Жена Щекотихина. Войдите! (Входят Иванов и его жена.) Наконец-то, собрались!

Жена Иванова. Дай, думаем..

Жена Щекотихина. Очень хорошо. Сейчас чайку..

Иванов. Мы пили. Жена Щекотихина (кричит в дверь). Котик!

(Щекотихин входит с чайником. Жена Щекотихина ставит на стол угощение.)

Иванов. Вам присылают надом продукты?

Щекотихин. Присылают, но путают.

Жена Иванова. Путают или опаздывают?

Жена Щекотихина. Что же вы не на даче?

Иванов. А керосин-то? Жена Иванова. Разве вот в футбольном мяче возить..

Щекотихин. Где теперь Корпачев?

Иванов. Корпачев — в Облтююпре, а Симакова развелась с мужем.

Жена Щекотихина. Она же хотела вернуться..

Жена Иванова. А кто..

то там не согласился. Продукты вам надом присылают?

Щекотихин. Присылают, но запаздывают.

Иванов. Или путают.. Ну нам пора.. (Встали.)

Щекотихин. Посидели бы.. Жена Иванова. Нет, нет, надо, надо..

Занавес.

Снова улица и вечер. Жена Иванова. Чудно провели вечер!..

Иванов. Ну и что? Жена Иванова. А то, что не надо было меня попрекать за Брюхоненко.

Автор (возникает). Вижу, вечер опять вам не удался. Но я великодушен. Я возвращаю вам его снова!

(Фонарь медленно гаснет; солнечный свет; автор со свистом исчезает.)

Иванов. Пойдем. Жена Иванова. Куда?

Иванов. Дурацкий вопрос! Ясно — к Гуревичам. Они только и остались..

Жена Иванова. Я еще дома говорила: идти надо к Гуревичам.. (Уходят.)

Занавес. Комната Гуревичей из того же цикла, что и ранее показанные помещения. Стук.

Гуревич. Войдите!.. (Входят Иванов и его жена.)

А.. Иванова (перебивает). Собрались, собрались.. Дай, думаем, зайдем..

Гуревич. Вот сейчас.. Жена Иванова. Мы уже пили.

Гуревич (несколько растерянно). Что пили?

Жена Иванова. Вы, наверное, насчет чая хотели? Мы уже пили.

КОЛЛЕГИ

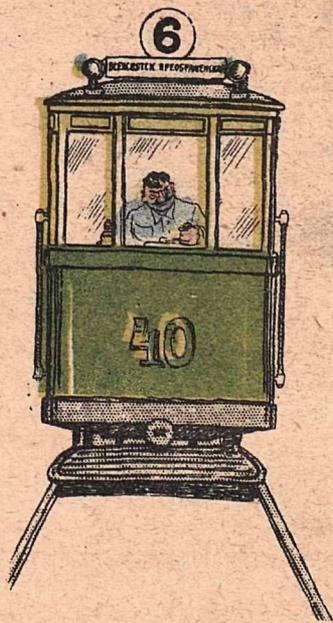

Рис. Бор. Ефимова

КОМПОЗИТОР (вожатому):—Не понимают, что и в твоей и в моей работе самая красота это—шум..

Гуревич (открывает дверь и хочет крикнуть в коридор). Коти..

Иванов. Не кричите, мы уже позвали вашу жену. Нарочно завернули на кухню и позвали.

(И точно: входит жена Гуревича с чайником в руках.)

Жена Иванова. Ну-с, продукты вам, конечно, приносят надом.

Жена Гуревича. Но пу..

Жена Иванова. ...тают. Или опаздывают. Знаем. На дачу вы не поехали из-за керосина..

Гуревич. Да.. а вы откуда знаете?

Жена Иванова. Да уж знаем (обращаясь к Иванову). Что там еще осталось?

Иванов (загибает по пальцам). Корпачева перебросили в Облтююпр. Симакова разошлась с мужем.

Жена Гуревича. Она, было, хотела верну..

Иванов. Цыц! Все знаем. Насчет продуктов надом мы уже говорили.. Значит нам пора..

Гуревич Вы бы..

Жена Иванова. Не посидим! Молчать! (Идет к двери, за нею Иванов. Уходят.)

Жена Гуревича (испуганно). Странные гости..

Гуревич (глядя на дверь). С ними нельзя разговаривать. Они все наперед знают..

Занавес.

Улица. Вечер. Фонарь. Молча идут Иванов и его жена.

У фонаря ждет их автор.

Автор. Вижу, опять неудача. Попробую помочь вам еще раз..

Иванов (мягко кладет автору руку на плечо). Не надо..

Жена Иванова. Лучше мы — домой.

Иванов. Всюду будет одно и то же..

Жена Иванова. Мы так устали..

Иванов (нежно жене). Мы еще отдохнем, старушка моя..

Тихо уходят.

Автор. Вы, взявшие в руки журнал, чтобы позабавиться и посмеяться над отдельными конкретными.. Тьфу! (Исчезает шипя и икая.)

Конец.

В. АРДОВ

АВТОМОБИЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

На то и щука в море,
чтоб карась не дремал.
(Арапская поговорка)

Речь докладчика лилась, как косой дождь. По всему было видно, что часа на полтора еще у него воды хватит. Людям было скучно. Они не знали, чем бы развлечься.

Сцепщик Куликов придумал:

— А я, братцы, того... Поцеплял с вами вагонов — и будет. Теперь сами цепляйте, — шопотом сказал он товарищам.

— А ты?.. Замуж выходишь? Или как? — спросил кто-то.

— Не!.. Я на машине поеду. На легковой!

Он извлек из кармана таблицу выигрышей лотереи Осоавиахима, аккуратно развернул ее и прочитал:

— «Разряд 03. Серия 03023. Номер 116. Автомобиль легковой». Видали?

— Ну?!

— Вот-те и ну! Номер 116. Шестнадцать сбоку — ваших нет. Даешь машину! Мой номер.

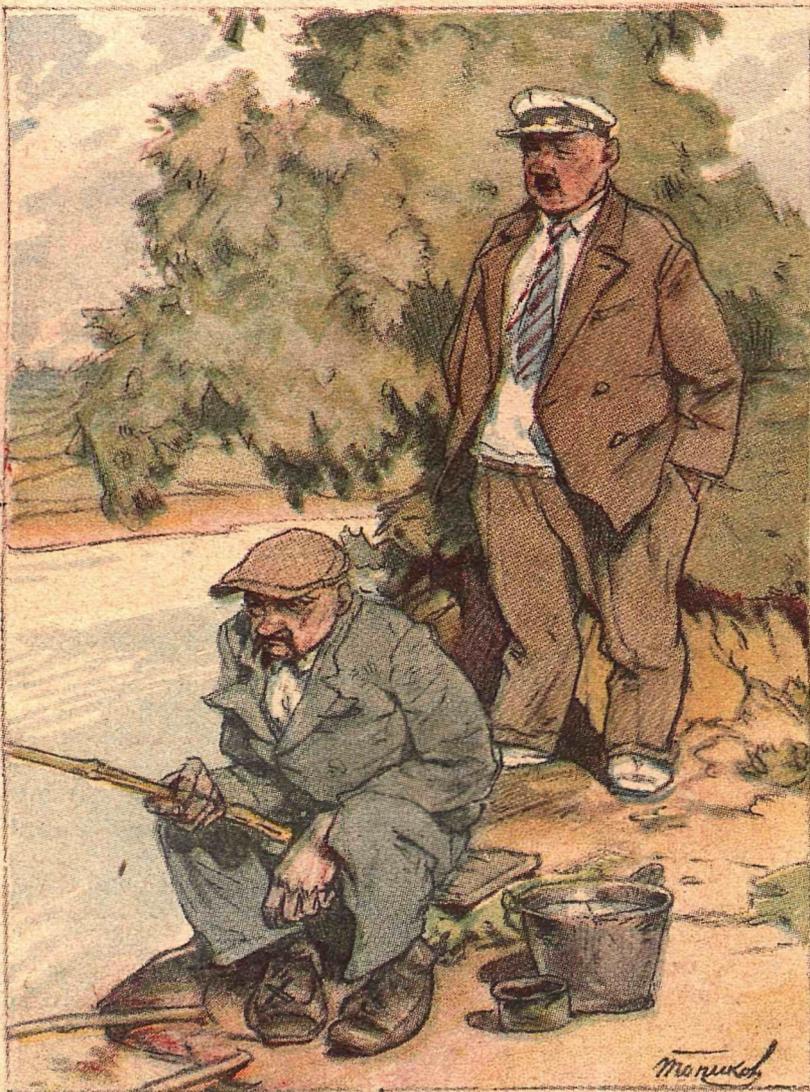
Очевидность ошарашивала. Товарищи умолкли.

— Кулик! Чортушка! — весело воскликнул, наконец, кто-то. — Счастье тебе привалило!

— Трудовой рубль на укрепление химической обороны страны, — солидно отвечал Куликов. — Сознательность надо иметь, товарищи... Теперь покатаюсь. А уж вагоны вы тут сами без меня, значит, сцепляйте.

ПО ТЩАТЕЛЬНОМ РАЗМЫШЛЕНИИ

Рис. А. Топикова

— Вот я три часа стою около вас, и меня поражает, как это вы можете столько времени отдавать этой пустой забаве!

Как мы уже намекнули, сообщение Куликова принадлежало к тому разговорному жанру, который называется трепатней: никакой машины он не выиграл, а просто сболтнул, потому что очень уж скучал народ на собрании.

Но чудесная утка прекрасно почувствовала себя под косям словесным дождем докладчика. Переваливаясь с боку на бок, она обошла все скамьи, весь зал и даже взобралась на эстраду, к столу президиума.

— А Куликов-то! А? Машину выиграл! — квакнула утка.

— Который?

— Да вон, молодой, сцепщик!.. Который недавно поступил! Машину! Легковую! По билету Осоавиахима!

— Молодец!

— Bravo, Кулик! Ишь ты. Надо его сюда вызвать. В президиум! Пускай все видят. Надо, товарищи, политику делать!

Это было на собрании рабочих и служащих железнодорожной станции Воскресенск, Ленинской дороги.

Председательствующий, парторг станции тов. Козлов, произнес пламенную речь об Осоавиахиме, лотереях, удачках и выигрышах.

Куликов подкупил собрание своей скромностью и застенчивостью: к столу президиума его пришлось тащить чуть не на аркане, так он упирался. Сесть за стол все же пришлось. Куликов сидел красный, как рак. Его все подмывало вскочить и закричать:

— Братцы! Дорогие! Да я же пошутил! Ничего я не выиграл. Опустите меня. Я пойду вагоны сцеплять.

Но с ним рядом сидели все его начальники. У них были такие счастливые лица, они так ему улыбались, подмигивали, подмаргивали, подымали большой палец, делали большому пальцу присыпку и вообще так укутали Куликова своей радостью и возбуждением, что парень никак не решался самооблачиться.

«Завтра!» — подумал он.

Но и назавтра разоблачить шутку было нелегко. Назавтра в местной газете «Коммунист» появилась заметка парторга станции тов. Козлова. В этой заметке рассказывалось, сколько билетов Куликов купил, как нашел в таблице свой выигрыш, как он поклялся купить не меньше 100 билетов следующего выпуска и как он собирается в ближайшие дни в Москву за своей легковой машиной. Через два дня аналогичная заметка появилась в газете «Железнодорожный пролетарий». Куликов читал эти заметки с интересом: они облекали его трепетно-живыми подробностями, которых он сам, пожалуй, и не придумал бы.

Он не знал, как себя держать: отступать становилось все более неловко и трудно.

Он еще не предвидел, что в дело вступят хозяйственники Воскресенского химкомбината. Началось с мягкого, но душевного ветерка интриги.

— Не выдадут вам, товарищ Куликов, автомобиля. Вы свидетельство шофера имеете? Нет? Значит, вам нельзя машину выдать. Вам деньгами выплатят.

— А я выучусь, — отвечал Куликов. — Отчего же мне не выучиться? Обязательно выучусь. Очень даже просто!

— Когда еще выучитесь! — не унимались хозяйственники. — Учиться долго надо, да экзамены сдавать, да то, да се. А тем временем машина ваша и пропадет. Уж лучше бы взяли деньгами.

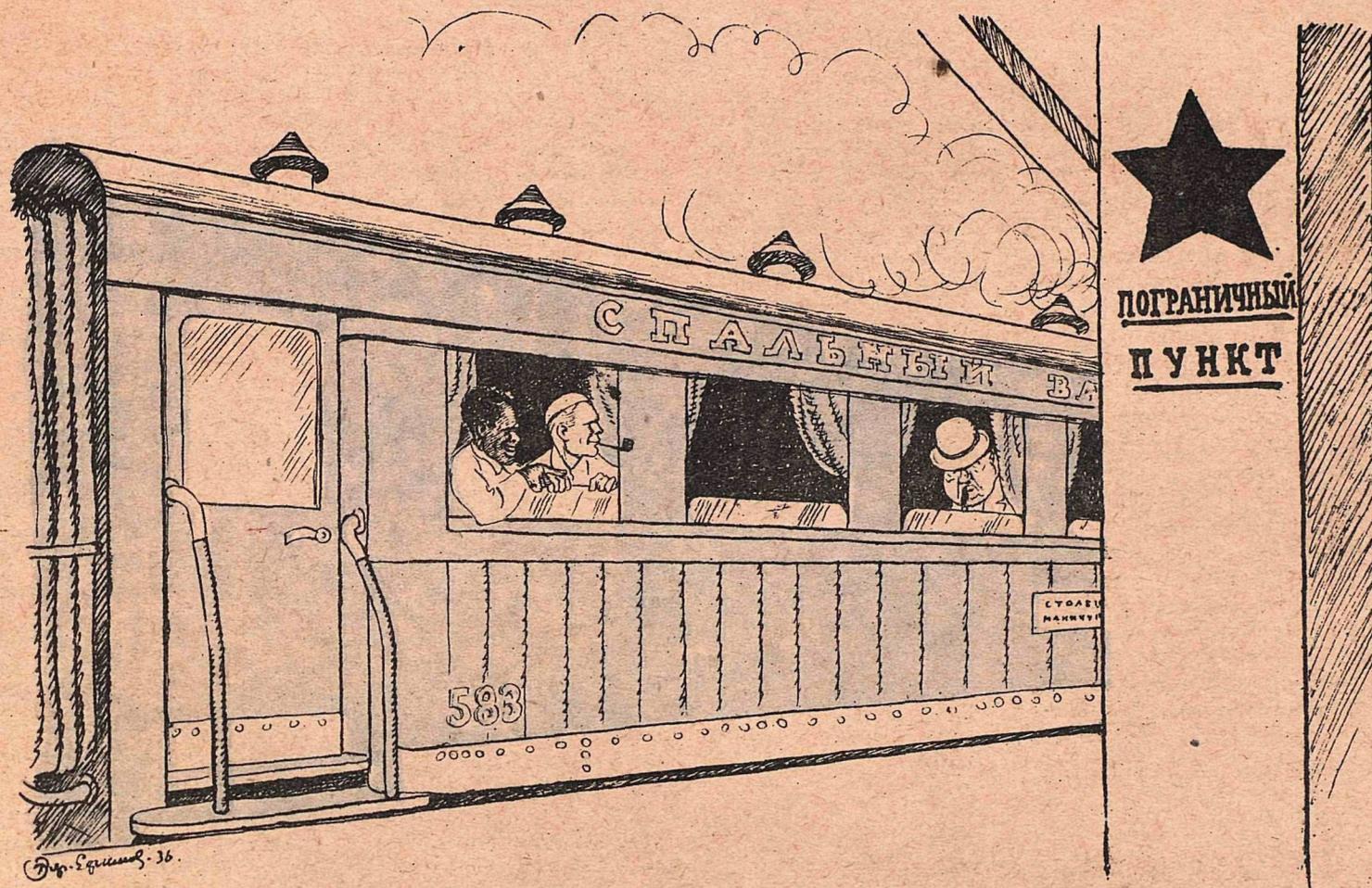
— Зачем мне деньги? — возмутился Куликов. — Мне машина нужна.

— Ну вот! Зачем она вам? Сцепщик — и вдруг машина!

Но Куликов оставался непреклонен. Хозяйственники решились действовать обходом, через начальника станции тов. Полякова.

— Убедите его, в самом деле! Ну, на кой чорт она ему? И Поляков дружески стал втолковывать своему сцепщику:

— Продай ты ее, будь она неладна. Ведь это же понимать надо, Георгий Яковлевич. Ведь не бесчувственный ты. Про налоги слыхал? Почем бензин, знаешь? Одна тебе мо-

— Этот господин всю дорогу обращался со мной чрезвычайно нагло, но и его наглости есть граница.
 — Какая?
 — Вот она.

рока будет. А завод большие тысячи даст! Ты подумай!

И, обессиленный долгой и настойчивой агитацией, Куликов скрепя сердце сдался.

— Ладно! Пес с ней, с той машиной! Пускай забирают! — сказал он, а сам подумал: «Что это будет?»

Ему было досадно на себя, что он по слабости характера все дальше лезет в сети и не умеет выпутаться.

Он навалился, весь вечер горланил пьяные песни, но на утро его привели в кабинет коммерческого директора комбината Замятина.

— Значит, так, товарищ Куликов. Мы с вами заключаем договорчик на покупку вашей машины. Она уже прибыла?

— Еще она не прибыла...

— Ладно. Вы нам права переуступите! А уж мы машину сами выгребем. Получайте шесть тысяч — и конец. Идет?

Куликов сидел, понуря голову, и молчал.

— Значит, идет? Мария Ивановна, затоварьте договорчик.

— Нет, не хочу, — встрепенулся Куликов, — не продам! Себе машина нужна, — он встал и стремительно вышел из кабинета.

— Шесть с половиной! — кричал ему вдогонку директор. — Семь! Семь даю, Куликов! Вернитесь, Куликов! Вернитесь! Восемь!

Вечером подосланный человек склонил Куликова продать все-таки машину за двенадцать тысяч, из коих шесть на бочку при подписании договора.

— Будь что будет, — решил Куликов, — а я, видит бог, не виноват. Не хотел я этого.

Большое собралось собрание у директора Замятина. Кольцом окружили Куликова, чтобы не вырвался. Юрисконсульт Орлов зачитал проект договора: Куликов переуступает право на выигрыш за двенадцать тысяч, из коих шесть получает при подписании, остальные — в трехдневный срок.

— Согласны?

— Согласен.

— Ну вот, товарищ Куликов. Теперь пожалуйста ваш билетик.

— На проверку сдал, — буркнул Куликов.

— А квитанция?

Куликов обиделся.

— Значит, вы мне не верите? — он вскал. Но хозяйственники окружили его тесным кольцом.

— Что вы, что вы, товарищ Куликов! Давайте подписывайте!

Через пятнадцать минут кассир Химкомбината, весело улыбаясь, отслюнил Куликову шесть тысяч рублей.

Хозяственники потирали руки.

На другой день они почесали затылки, потому что Куликов скрылся.

Дальнейший разворот событий не содержал для него больше никакой игры, никакой интриги. Ему стало скучно, и он уехал.

А тогда Замятина и Орлова тоже начала осенять догадка. «Сейчас нет больше сомнений, — пишут они в уголовный розыск, — что продажа легковой машины была хорошо организованным мошенничеством».

Это заявление представляет вполне правильную оценку их роли.

Куликов вытянул свой выигрыш из просторной урны человеческой глупости.

В. ФИНК

Рис. Ю. Ганфа

— Мне так кстати эта японо-германская дружба: я себе сделала очень миленькое платьё с вырезом на животе—ну, просто настоящее хакари...

СТАНЦИЯ ВЕЛИКИХ СТРАСТЕЙ

Почему-то с ретроспективными взглядами обращаются небрежно: их обычно бросают.

Бросим и мы.

Бросим ретроспективный и вместе с тем критический взгляд на литературное наследие, оставленное прошлыми столетиями в наше полное распоряжение.

Обозревая все более или менее значительные лепты, внесенные на хранение в сокровищницу мировой литературы, приходишь к выводу: покойные классики большое внимание уделяли вопросам ревности. В этом деле замешаны и Вильям Шекспир, и Оноре Бальзак, и Анатоль Франс, и некоторые другие прозаики и поэты.

Читаешь их незабываемые творения и наполняешься чувством удивления и восторга: какие страсти! Какие изумительные в своей цельности и непосредственности переживаний природы!

Однако все эти классические образцы страсти бледнеют перед теми, которые разыгрываются в наши дни на

станции Перово, Ленинской железной дороги.

Станция Перово не ахти какая станция, не Бахмач. В Перове даже не все дачные поезда останавливаются.

Тем примечательней: станция маленькая, а страсти великие!..

Случай ревности, который мы здесь описываем, имел место в товаропроводящей сети.

Любовь и ревность в товаропроводящей сети—тема еще никем до сих пор не затронутая. Так что нет еще накопленного опыта в проработке данного вопроса. По мере своих сил и разумения постараемся проложить дорогу этой новой теме на страницах художественной периодики.

Словом, на станции Перово имеется магазин Пищеторга. Каковы торговые обороты в магазине, каков ассортимент товара, все это не имеет ни к любви, ни к ревности никакого отношения. А потому мы их касаться не будем.

Перейдем прямо к делу. Однажды в магазин заходит некая гражданка. Ничего особенного—гражданка, как

гражданка. И что же, оказывается—это не простая гражданка, из тех, которые ходят по магазинам за мылом или рафинадом: это особа влиятельная.

Это супруга. Супруга нового завмага, товарища Душкова.

Заходит мадам Душкова в подведомственный ей магазин. Хозяйски окидывает взглядом прилавки и полки. И вдруг видит за прилавком...

Мороз пробежал по коже супруги. — Так вот какой ассортимент в магазине!

Продавщица Козлова, спокойно стоявшая за прилавком, и не подозревала, что в эту минуту решается ее судьба.

Козлова узнала обо всем этом только через несколько дней.

Мы не любим вмешиваться в чужую семейную жизнь. Даже если и кое-что знаем, по мере сил стараемся не разглашать. А потому не будем описывать того, что происходило в те дни на квартире завмага.

Скажем кратко: завмагу Душкову небо над станцией Перово показалось с овчинку.

Надо избавиться от Козловой! Супруга настаивает. Не желает супруга, чтоб в магазине был женский персонал.

Но как избавиться от Козловой? За что ее уволить? Хорошо работает. Ударница. Неоднократно ее премировали. Жаль терять такую работницу, но... Что скажет дома супруга? Уволить! Уволить!

Возмущенная Козлова протестует. За что? Почему? Она обращается с жалобой в РКК при местном люберецкой конторы Пищеторга.

И там в месткоме... Ах, друзья, не думайте, что в месткомах сидят черствые люди. Не думайте, что там такие сухари, без души, без чувств, без страстей. Не думайте, что в месткомах не поверили, что на свете есть любовь.

И вот при активной помощи профсоюзных деятелей из люберецкого месткома выносится следующее решение:

«Завмаг тов. Душков отказался оставить у себя на работе продавца магазина тов. Козлову, которая работает там около пяти лет, мотивируя тем, что... ничего не может сказать о ней плохого, а отказывается оставить ее на работе в силу семейных обстоятельств (ревность его жены)...» А посему РКК постановляет:

«Рассмотрев детально вопрос с той и другой стороны... согласиться с переводом тов. Козловой продавцом в магазин № 29».

Протокол месткома о любви и ревности! Сколько в нем заботы о живом человеке! Какое глубокое проникновение в великий мир страстей и чувств!

Вы рано умерли, Вильям Шекспир. Ах, какую прекрасную тему вы провозгласили...

Г. РЫКЛИН

О Ш И Б К А

Всю прошедшую пятидневку Александр Львович провел в мучительных хлопотах: составлял докладные записки, звонил по телефону, ездил на дачи к влиятельным друзьям, унижался и лгал.

Он очень устал, похудел и чувствовал себя плохо.

А между тем Александр Львович мог легко избежать этих неприятных волнений. Ему нужно было лишь сказать так:

— Да, я допустил ошибку. Грубую, непростительную ошибку, которая обошлась государству в несколько десятков тысяч рублей. Произошло это потому, что я, в сущности, плохо знаю дело, которым руковожу. Я лишь усвоил специальную терминологию и в общих чертах знаком с производственным процессом. Но этого для хозяйственного руководителя сейчас мало, очень мало. Мне нужно заново учиться всему.

Но сказать так Александр Львович не мог. Он слишком обрюзг и потолстел физически и морально за последние три года, чтобы все начать сначала и променять обеспеченную, хорошо разношенную жизнь с дачей и казенной машиной на неведомое, туманное бытие.

Поэтому он нажал все кнопки, чтобы спасти самого себя.

С минуты на минуту Александру Львовичу должны были позвонить и сказать, снимают его или нет. Он сидел за письменным столом, бледный, одутловатый, небритый и не спускал воспаленных глаз с телефонного аппарата. Секретарше Лидочке было строго-настроено приказано никого не принимать.

Телефон зазвонил резко, неожиданно и тревожно. Держась за сердце, Александр Львович снял трубку.

— Это ты, Александр? — спросил знакомый покровительственно ласковый басок. — Говорит Костицын. Ну поздравляю, все в порядке. Дело твое отложили рассмотрением на две недели. Вообще, я думаю, что все обойдется выговором. Я говорил с народом. В конце концов, со всяким может случиться. От ошибок никто не застрахован.

— Мы учимся на ошибках, — бодрясь, подтвердил Александр Львович.

— Вот, вот, — продолжал басок Костицын. — Теперь слушай. Я тебе предлагаю завтра же, слышишь, завтра же взять Розу Павловну и Бобку и уехать из Москвы в отпуск. Путевка у тебя есть? Вот и прекрасно! Лучше, чтобы тебя не было в Москве, когда будет рассматриваться дело. Заболел. Появил? Так нужно. Дела сдай Андронову. Не благодари, старик. Наркому я пока докладывать ничего не буду. Ну, все. Желаю тебе хорошо отдохнуть.

Через пять минут после этого разговора Александр Львович уже говорил с толстым бородатым Андроновым, шутил с Лидочкой и, сияя, радовался каждой своей жилкой, что все обошлось так хорошо. От его былых сомнений и тревог не осталось и следа. Правильно сказал верный друг Костицын: никто не застрахован от ошибок.

Проворная Лидочка соединила его с домом, и Александр Львович сказал жене в телефонную трубку.

— Все обошлось, Роза. Но мы завтра должны уехать в Крым. Никаких возражений. Не можешь завтра? Должна смочь. У Бобки нет тапочек? Чепуха какая! Я заеду в магазин. Папочка сам купит тапочки. Имей в виду, что машина за нами придет завтра ровно в девять.

... За тапочками в магазине стояла большая очередь, и Александр Львович потерял тридцать пять минут, прежде чем пожилая продавщица с усталым лицом вернула ему пару белых детских тапочек. Потом он пошел за покупками в другие отделы универмага и вернулся в обувной отдел лишь через полтора часа.

В контроле его тапочек не оказалось.

Растерявшаяся контролерша подозвала продавщицу с усталым лицом, и та, страшно смутившись, вдруг сказала Александру Львовичу:

— Простите меня, гражданин. Ошибка вышла. Я ваши тапочки продала, а сегодня их у нас уже не будет. Сами ви-

дите, сколько у нас народу, — голова идет кругом. Контролерша отметит вам чек, получите обратно деньги.

— То есть, как это продала! Вы с ума сошли! — закричал Александр Львович вне себя.

— Простите, гражданин, ошиблась.

— За такие ошибки снимают с работы!

— Со всяким может случиться, гражданин.

— Я вам повторяю, что за такие ошибки гонят вон. Будьте уверены, что я добьюсь этого. Как ваша фамилия? Королева? Оччень хорошо!

Выслушав взволнованную речь Александра Львовича, директор универмага сказал, покачивая головой:

— Прежде всего, примите наши извинения, товарищ. А затем позвольте мне исправить ошибку продавщицы. Одну минуту...

— Я требую, чтобы продавщица Королева была снята с работы, и немедленно. Таких нужно учить.

Директор замаялся.

— Видите ли, Королева — прекрасный работник. Работает у нас давно. В конце концов, никто не застрахован от ошибок. Потом у нее трое детей. Мы ей объявим выговор.

— Выговор? За такое — выговор? Да за границей она через три минуты после этой истории была бы на улице.

— Мы с удовольствием учимся за границей технике торговли, но учиться у владельцев универмагов, как нужно обращаться со служащими, не намерены, — твердо сказал директор.

Александр Львович покраснел.

— Пожалуйста, без политграмоты! Если Королева не будет уволена, я пожалуюсь в наркомат.

— Это ваше право. Королева уволена не будет. Вот посмотрите лучше, устроят ли вас эти туфли вместо тапочек.

Директор показал Александру Львовичу четыре пары детских туфель. Это была первоклассная обувь, по качеству значительно превосходившая простенькие белые тапочки, но Александр Львович остался неумолим.

— Я требую, чтобы мне дали мои белые тапочки и чтобы Королева была уволена.

— Хорошо, — сказал директор, вставая из-за стола. — Вы когда уезжаете? Завтра утром? Прямо к поезду вам будут доставлены белые тапочки.

— И Королеву уволите?

— Королеву не уволим, а тапочки доставим.

Утром, за десять минут до отхода крымского поезда, запыхавшийся посыльный универмага вручил Александру Львовичу аккуратно перевязанную коробку. В ней лежали белые резиновые тапочки. Александр Львович взял роковые тапочки и, не поблагодарив, полез в вагон, важно неся свой тяжелый круглый живот.

Когда поезд тронулся, он извлек из портфеля толстое вечное перо и стал писать письма. Первое письмо было адресовано Костицыну. Александр Львович благодарил своего покровителя за хлопоты и просил проследить за ходом дела.

«Боюсь, как бы Андронов не подложил мне свинью, — писал он. — Он может представить наркому мою ошибку в нехорошем свете».

Во втором письме, на имя Наркомата внутренней торговли, Александр Львович, не жалея красок, описывал случай с белыми тапочками и требовал увольнения продавщицы Королевой.

«Такие ошибки прощать нельзя», — писал Александр Львович.

Лязгая буферами и дыша, как загнанный конь, поезд уже громыхал на стрелках Серпухова. Александр Львович позвал проводника, вручил ему оба конверта и с удовольствием закурил. На его одутловатом лице было разлито спокойное выражение честно исполненного гражданского долга.

Л. ЛЕНЧ

ВОСПОМИНАТЕЛЬ

Гр. Блонь в печати выступает редко. Справедливость требует сказать, что Гр. Блонь не пишет плохих рассказов, водянистых романов, вялых поэм и скучных статей. Но та же справедливость требует сказать и то, что Гр. Блонь не пишет и хороших рассказов, и стремительных поэм, и неводянистых романов. Он ничего не пишет, хотя на последней страничке обложки любого ежемесячника среди фамилий сотрудников, участвующих в журнале, вы обязательно найдете — «Гр. Блонь». Что же он пишет? Он пишет воспоминания. И его даже в шутку называют «воспоминателем».

Вот умер великий поэт, и Гр. Блонь и в устной и в письменной форме, в журналах, и в клубах спешит поделиться своими воспоминаниями о великом поэте. Самое яркое в этих воспоминаниях было все то, что Гр. Блонь рассказывал о себе. Вы могли узнать, и почему Гр. Блонь не ест супов, и почему он предпочитает проводить свой отпуск в горах, а не на берегу Черного моря, и почему он, «прежде чем сесть за письменный стол, как правило, с'едает два стакана простокваши...» Вот несколько абзацев из его воспоминаний:

«Впервые я встретился с поэтом, когда мне было не полных 25 лет. Точнее, мне тогда было 25 лет и семь месяцев. Я только что женился и по настоянию своей молодой супруги окончательно бросил пить пиво. До этого я довольно часто пил пиво, бывало, в день выпивал по 2—3 кружки. У меня с детства почки слабые. Но вот когда женился, то окончательно бросил. Моя жена очень чуткий товарищ, и она нашла и нужные слова, и нужный такт в объяснении со мной по этому поводу, и я больше не пью пива. Первые три дня я чувствовал себя отвратительно, а потом — ничего. Привык. Как раз в эти-то дни я и встретился с поэтом. На мне был серый костюм, точнее, темно-серый, в такую незаметную клеточку, и желтые, модные тогда, узконосые штиблеты «Шимми», или, как их называли в народе, «Щучки». Широконосые штиблеты лучше, чем узконосые. В широконосых нога себя чувствует спокойней, уверенней. Отдыхает нога. Поэт носил ширококоносые штиблеты, а я, следуя моде, носил узконосые и немало от этого страдал. Мозоли — вот что меня мучило тогда. Они давали себя знать буквально на каждом шагу. Я вынужден был прихрамывать. Это, конечно, не мог не заметить зоркий глаз поэта.

— Что с вами? — участливо спросил он меня.

Я болезненно усмехнулся и ответил двустихием из известного всем его стихотворения:

Мозоль в моем сапоге.
Страшной трагедии Гете.

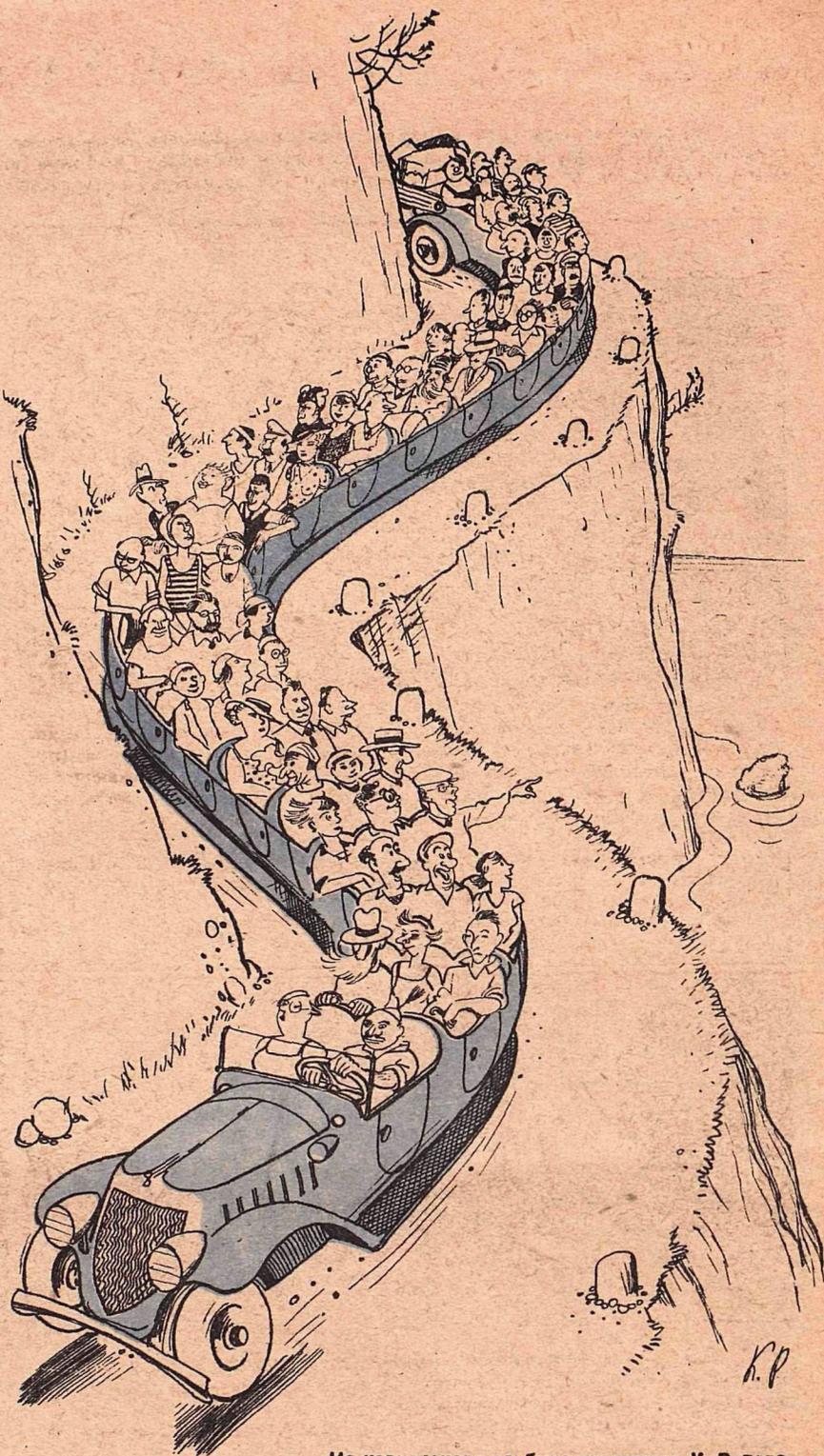
— Не мозоль, а гвоздь, — поправил меня автор.

Я с ним долго не соглашался, и мы крепко поспорили. Дома в своей библиотеке — а у меня библиотека большая — я нашел это всем известное стихотворение, проверил, и что же оказалось? — Действительно «гвоздь», а не «мозоль», как думал я. Вот какая отличная память была у поэта. У меня память тоже неплохая. Но это, очевидно, произошло потому, что меня в этот день особенно мучила мозоль, и вот почему я был уверен, что прав я, а не сам автор. Это был единственный случай за всю мою жизнь, когда мне память изменила. А вообще-то я на свою память не жалуясь. Я помню себя с трехлетнего возраста...»

И дальше Гр. Блонь очень подробно, досконально рассказывает о всех тех явлениях, которые поразили его «восприимчивую, мягкую детскую натуру». Он приводит множество примеров из своей никому неинтересной биографии, и воспоминания о себе неожиданно заканчивает: «Так жил и работал великий поэт...»

И Гр. Блонь надолго исчезает. Но он тут как тут, когда умирает известный писатель. И вновь в своих воспоминаниях об этом писателе Гр. Блонь будет долго рассказывать о себе, о своих привычках, опять расскажет никому неинтересную свою биографию, а также не забудет рассказать и о том, почему он не ест супов, и почему он спит с открытой форточкой, и о том, что «прежде чем сесть за письменный стол, я, как правило, с'езжаю два стакана простокваши».

Б. ЛЕВИН

Из кавказского альбома художника К. Ротове

ИСКУССТВО В ЖИЗНЬ

Молодой студент Надеждин ехал в трамвае и смотрел в окно. Не раз Надеждин видел, как на углу милиционер штрафовал граждан, нарушивших правила уличного движения. Зрелище это было подобно немому кино. Гражданин говорил что-то, но больше всего у него действовали руки. Гражданин, оправдываясь, размахивал с какой-то отчаянностью руками, точно собираясь лететь, прижимал руки к сердцу, снова мотал руками, разводил их.

«Ах, — подумал с презрением Надеждин, — не читали Станиславского. Так по шаблону и валят. Если оправдываться, так обязательно руками мельницу изображать. Провинциальная сцена какая-то...»

И, раздумывая, как бы он, не двигая руками, провел сцену оправдания, Надеждин соскочил с трамвая.

— Гражданин! Платите штраф!

— За что? — обернулся Надеждин. — Я не понимаю, в чем дело? Руки развелись вдруг сами собой.

— Я сошел, а не соскакивал! Да, да, да...

Доказывая, Надеждин с таким жаром замахаля руками, что пальцам даже стало холодно.

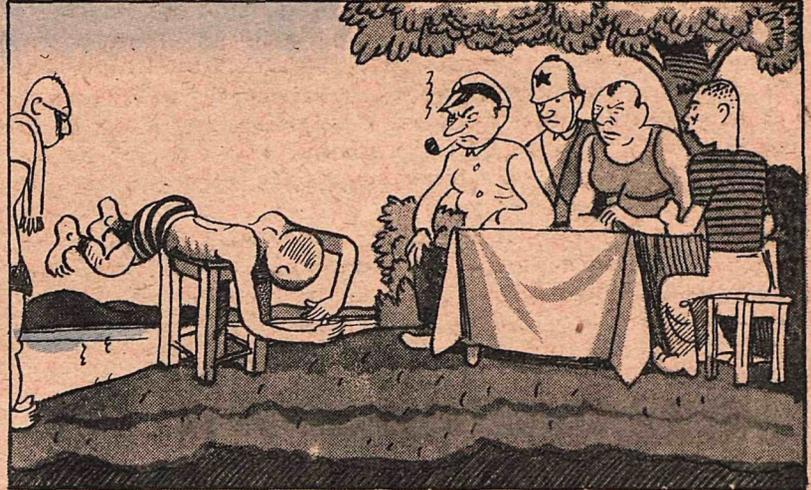
В. ТОБОЛЯКОВ

В ПОМОЩЬ ОСВОДУ

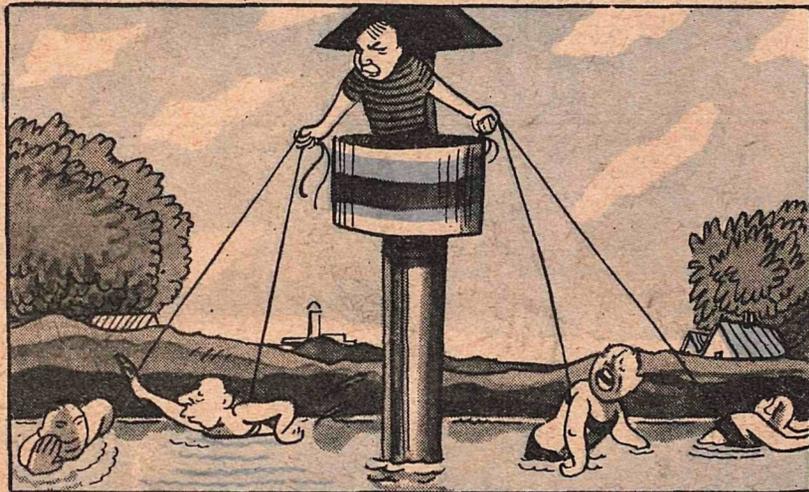
Общезвестно, что работа Освода на сегодняшний день оказывается не на высоте или, короче говоря, — не на глубине. Пытливый ум нашего художника Ю. Ганфа долго бился над решением проблемы спасания на водах, непосильной Осводу. Добросовестный художник выдвинул приведенные здесь шесть проектов предохранения купальщиков от утонутья.

Как видно из рисунка, первый способ прост, хотя несколько громоздок: вдоль всех берегов устанавливается цепь работников милиции, дворников, дачевладельцев, членов Освода и самих купальщиков (последним все равно уже купаться не придется). Лиц, приближающихся к водоёму, в этом случае можно отпугивать коллективным шиканьем, свистками и увещаниями, не слишком, впрочем, запальчивыми.

Второй способ оставляет реки и моря в пользовании купальщиков. Однако при вхождении в воду ото всех граждан требуются аттестаты высших квалификационно-купальных комиссий. Комиссия проверяет познания желающего окунуться в воду по части четырех стилей плавания, химического состава воды во всех реках и морях земного шара и рельефа морского дна. После экзамена купальщик невозбранно допускается в воду.

Третий способ называется способом кучерования купальщиков, на которых надеваются легкие шлеи с вожжами. Специальный водный кучер держит в руках эти вожжи и, следя, чтобы вверенные ему индивидуумы не утонули, беседует с ними посредством обычных кучерских окриков:

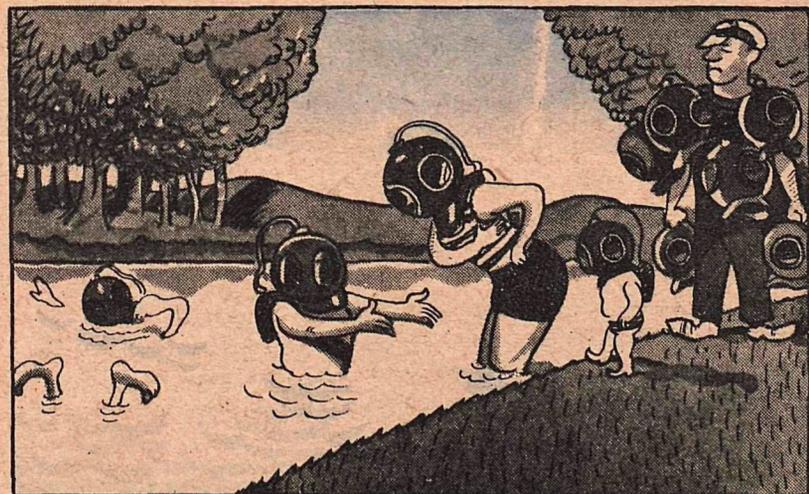
— Ино!.. Но, дьявол!.. Балуй у меня!.. Эй брргись!.. Тпррру!..

Если вожжи не оборвутся или кучер не заснет, — безопасность гарантирована.

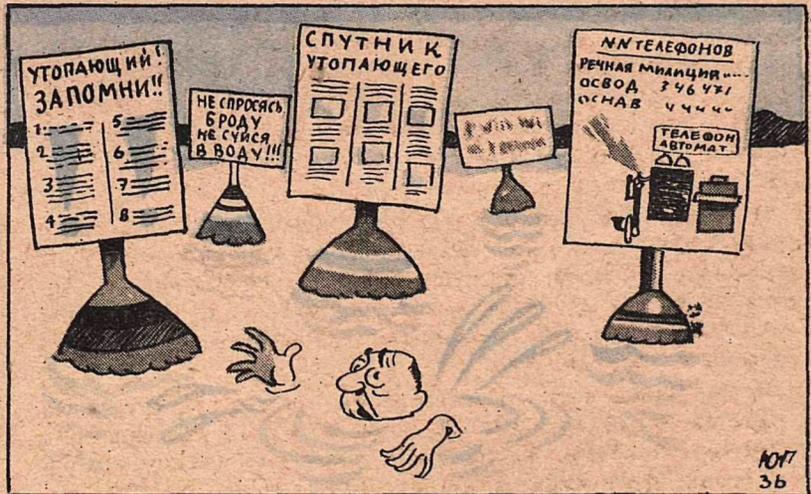

Четвертый способ: осушение водоёма на 99,9%.

Затруднителен в отношении наиболее крупных морей и рек, о чем приходится пожалеть, ввиду того, что этот способ, безусловно, был бы очень эффективен.

Пятый способ: широкая скафандрификация купальщиков. Трудно достижима и опасна тем, что тяжелые водолазные шлемы сами будут тянуть ко дну. И потом, где их набрать, скафандров, в таком количестве.

Легкий и приятный способ: широкая агитация среди купающихся масс. Удобна простотой выполнения. Страдает малой эффективностью. Прочитав все плакаты, купальщик идет ко дну с той же скоростью, с какой тонет несознательный купальщик, не читавший плакатов.

КТО ИЗВОЗЧИК?

Гражданина пропечатали в газете.

Гражданин пишет опровержение.

Неизвестный труженик слова, имя которого незаслуженно кануло в Лету, еще в незапамятные времена дал классическую формулировку опровержения:

— «Я — не я, лошадь не моя, и я не извозчик».

С тех пор многочисленные опровергатели, штурмующие редакции газет и журналов, а также контрольные органы своими пламенными и возмущенными опровержениями ничего не прибавили к этой гениальной по своей лаконичности формуле. Разве что выпадают в отдельных случаях те или другие ее составные элементы.

Например: «Я — я, лошадь действительно моя, но я не извозчик».

Или: «Я — я и по профессии действительно извозчик, но лошадь не моя, на что могу представить соответствующие документы».

Или: «Я — не я, подробности почтой».

Кто же в таком случае извозчик? Чья, чорт возьми, лошадь, и кто же в конце концов эта личность, которая так категорически отрицает свое существование?

К сему следует поучительная история, имевшая место в славном районном центре — Куеде, Свердловской области.

В упомянутой Куеде некий гражданин Передвигин в припадке сильной любви к одной из работниц типографии газеты «Куединский льновод» подарил таковой, а может быть, дал временно поносить, ручные часики. По прошествии некоторого времени Передвигин с прискорбием проведаль об утере означенных часиков. Что делают в таких случаях рыцари? Рыцари в таких случаях подают заявление по месту службы утерявшей часики прелестной дамы с просьбой удержать из зарплаты таковой стоимость пропавших часов. Что деликатный Передвигин и не преминул учинить. А в редакции, ничтоже сумняшеся, приняли требование потрясенного тягостной потерей Передвигина к неуклонному исполнению.

Крокодил не мог отказать себе в удовольствии в оповещении всех своих читателей об этом исключительно романтическом событии, напечатав в номере 14-м фельетон Л. Ленча «Часы любви».

Но редактор газеты «Куединский льновод» гр. Смирнягин не дремал. Немедленно по получении номера 14-го Крокодила он шлет в редакцию журнала, а для верности и в Комиссию партийного контроля грозное и категорическое опровержение:

«...Я как коммунист откровенно заявляю: абсо-

лютным образом не знаю о часах любви и заявлении Передвигина, а также и никаких резолюций о вычете из зарплаты сотрудников редакции не накладывал, и зарплата не вычиталась».

Я надеюсь, что редакция журнала Крокодил проверит материал автора Леонида Ленча статьи «Часы любви» и привлечет его к суровой ответственности за клевету на честных советских граждан».

И что же, надежды В. Смирнягина оправдались. Редакция Крокодила еще раз проверила материал автора Леонида Ленча. Редакция получила заверенные прокурором Куединского района объяснения пострадавшей работницы Анастасии Алферовой и романтического гражданина Передвигина, подтверждающие как факт подачи последним в редакцию «Куединского льновода» заявления об удержании стоимости часов, так и факт принятия этого заявления к исполнению редакцией. Мы получили, наконец, письмо куединского прокурора, в котором сообщается, что заметка под заголовком «Часы любви» «проверена мной и изложенные в ней факты в основном подтвердились», в связи с отъездом из пределов района секретаря редакции Суворова «не установлено, накладывал ли резолюцию на заявлении Передвигина редактор Смирнягин (Смирнягин же отрицает данный факт), но он не отрицает, что о попытке Передвигина получить деньги за часы

через редакцию ему было известно, но не придал этому значения».

В. Смирнягин — очень хитрый человек: он поймал Л. Ленча на неточности: в «Часах любви» потерпевшая названа работницей редакции Наташей.

— Ага! — восклицает Смирнягин в своем опровержении. — Нет у нас в редакции девицы по прозвищу Наташа!

Признаем ошибку. Девушку звать не Наташа, а Настя, и работает она не в редакции «Куединского льновода», а в типографии этой газеты. Но если бы правдолюб Смирнягин настаивал на уточнении только этого обстоятельства, не получилось бы опровержения по существу фельетона.

Поэтому В. Смирнягин решил опровергать ва-банк. Фигуря своим почетным званием коммуниста, Смирнягин начисто отрицал позорный факт, послуживший материалом для фельетона «Часы любви». Он попытался ввести в заблуждение не только Крокодил, но и Комиссию партийного контроля.

Что же, гражданин Смирнягин знал, на что он идет! И мы ждем от Куединского районного комитета партии и Свердловского обкома соответствующих решений по поводу поведения Смирнягина — члена ВКП(б) и советского журналиста.

Л. ЛАГИН

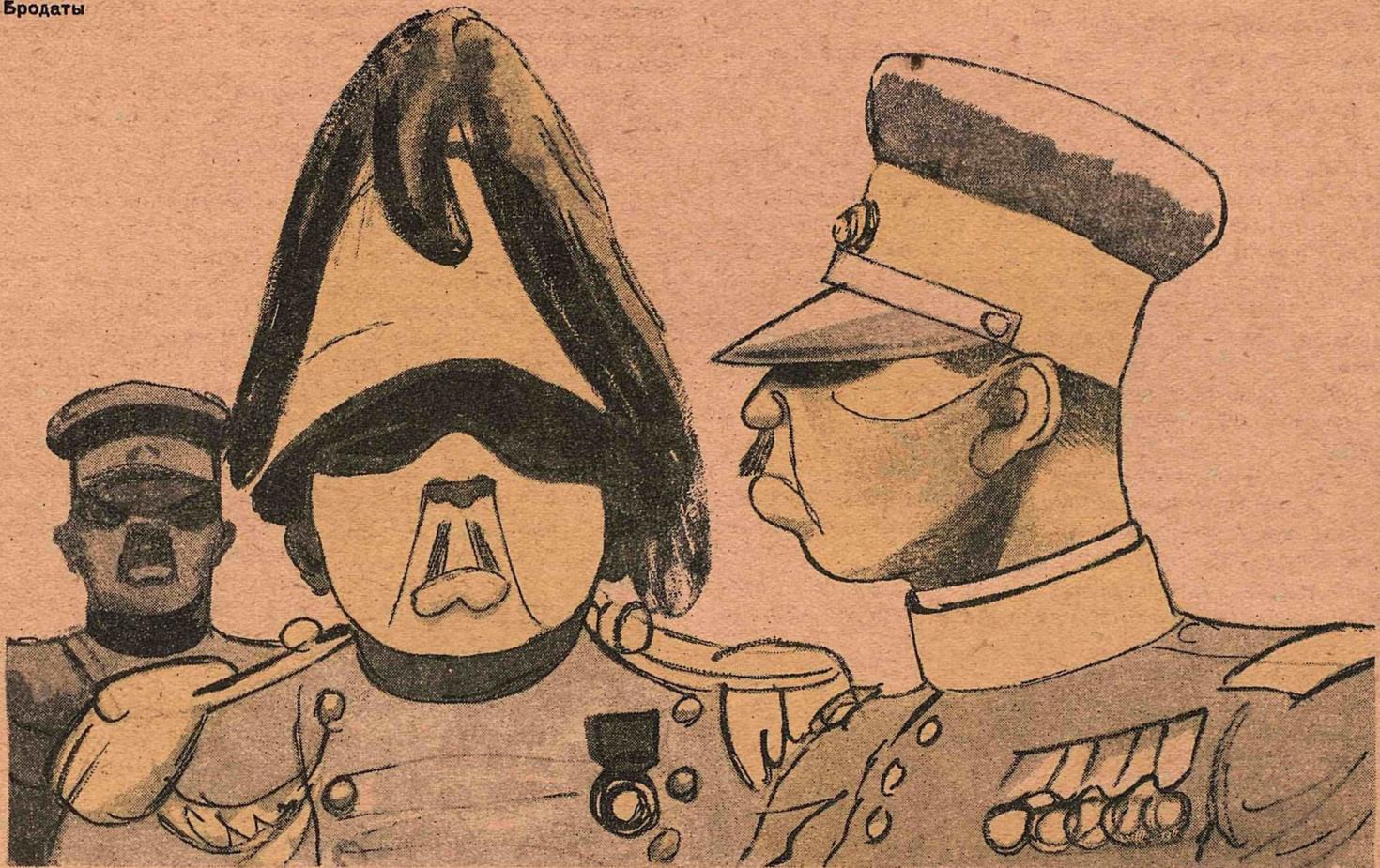
РЕКОРДСМЕН

Рис. М. Черемных

— Был у меня тоже один рекорд — 100 метров. Потом другой — 150, а на 200 метров не удалось: забрали и меня и мануфактуру.

Рис. Л. Бродаты

— Слышали? У нас в Японии возникло общество по борьбе с самоубийствами.
— Не мешало бы организовать еще и общество по борьбе с убийствами.

ЛЕСТНИЦА СЛАВЫ

Начальник был бездельник великий, любил подхалимство, но на службу приходил точно. Большим мастером по части подхалимства был некто Кишкин. Этот Кишкин, поднимаясь вместе с начальником по лестнице, обгонял его на несколько ступеней и говорил весной:

— Что-то, Николай Петрович, вы даже от нас, стариков, отставать начали. В отпуск пора. Заработались.

Начальник останавливался, держась за перила, говорил:

— Пожалуй, прав ты, Кишкин. Устаю я что-то...

С верхних ступенек Кишкин отвечал:

— Вид у вас усталый. И без комиссии ясно.

Начальник в скорости уезжал в отпуск. В кабинете делалось тихо: некому было шелестеть газетами.

Возвращался начальник посвежевший, еще более здоровый. Поднимаясь теперь по лестнице с начальником, Кишкин отставал на несколько ступеней и говорил вдогонку:

— За вами не угнаться!

— Хорошо выгляжу?

— Преотлично! Кровь с молоком... Вам теперь...

И мигал с нижних ступеней.

— Теперь тебе надо в отпуск,— говорил начальник.

— Не моя очередь,— жалобно отвечал Кишкин.— Моя в ноябре.

— Поедешь теперь. Обождут другие.

И Кишкин уехал. Вернулся, быстро вбежал в под'езд, увидел начальника у лестницы.

— Ну, кто кого теперь, Николай Петрович?

— А зачем? — махнул рукой начальник.— Лифт поправили.

— Лифт? — крикнул Кишкин.

— Да.

Поднимаясь в лифте, Кишкин смотрел на сетку и мучительно думал:

«Чем его теперь пронять? Ну, чем? А, да придумаю чего-нибудь».

СТУЛЬЯ

Вновь избранный председатель горсовета осмотрел свой обширный кабинет и сказал коменданту:

— Вот что, товарищ. Здесь же мы будем устраивать заседания президиума. В президиуме двадцать четыре человека. Так значит, чтоб здесь было двадцать четыре стула. Понятно?

— Понятно,— ответил комендант.

Больше всего двадцатью четырьмя стульями была недовольна уборщица: пока вытрешь пыль со всех двадцати четырех стульев!..

— Чистый театр! — говорила она, присаживаясь на полпути, на тринадцатом стуле.— Знала бы, не пошла. Звали в нарсуд, уж там лучше. Скамью обтерла и ладно... А тут... Ну чего выпялились? — обращалась она к выстроившемуся вдоль стены аскадрону стульев.

Стулья молчали.

Примерно месяца через два завклубом попросил у председателя:

— Иван Давыдович! Не разрешите стульчиков пяток у вас признать? Стильная постановка, а стульев нет.

— Потом верните, смотри...

Но не вернули. Летом председатель уезжал на дачу, жена сказала:

— Ваня! У тебя в комнате много стульев...

— В какой комнате?

— Ну, в кабинете. Разреши полдюжины взять. Не тащить же свои. Еще побьем дорогой.

— Возьми, которые похуже.

— Да они все новые, несиженные. Я уж смотрела.

За лето комендант взял себе два стула, несколько стульев изломали маляры, ремонтировавшие кабинет. Наднях председатель вошел к себе в обновленный кабинет и сказал коменданту:

— Ремонт хорошо сделали. Но куда мне столько стульев? Раз, два... Восемь штук. Что это — мебельный магазин? Оставь два, а остальные забери куда-нибудь. Понятно?

— Понятно,— ответил комендант.

В. ТОБОЛЯКОВ

Дорогой КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

С тринадцатого апреля у меня на квартире испортился телефон. Я позвонил в бюро поврежденных Миусского узла и стал ждать монтера. Через пять дней позвонил из автомата опять. Мне ответили: «Хорошо, абонент, исправим». А дома между тем телефон трещит как проклятый и какие-то голоса спрашивают: «Это фабрика-кухня № 1?», «Это хлебозавод № 5?». Я отвечаю: «Нет, это частная квартира». Люди мне не верят и, слышу, сердито говорят: «Он врет. Давай вешай трубку и звони еще». Так звонили целый день и все не по адресу. А от меня позвонить никуда нельзя: телефон испорчен.

На следующий день с утра опять начались звонки. Я всем отвечаю: «Это частная квартира с испорченным телефоном», но мне не верят, ругаются неприличными словами и требуют, чтобы я принимал заказы на доставку хлеба и булок, выслал каких-то ребят играть календарные футбольные игры и поспешил с отправкой выстиранного белья. В конце концов, чтобы отвязались, я стал принимать все эти поручения, вплоть до отправки выстиранного белья, и даже откликнулся, когда меня называли «глухим чортом» и «дядей Сашей». А у самого — грипп, высокая температура и от непрерывных звонков голова распухла и стала как пивной котел. На шестой день, чтобы прекратить звонки, я взял да и подложил под молоточек звонка кусочек газетной бумаги. Звонки, действительно, прекратились, и даже пришел монтер из бюро поврежденных. Я ему очень обрадовался, но он лишь вытащил из-под молоточка бумагу, составил акт, оштрафовал меня на пять рублей и, не починив телефона, ушел.

Мой телефон звонит по-прежнему. Свет мне немил. По-прежнему от меня требуют выстиранного белья, неприлично ругают и называют «дядей Сашей». Что делать, не знаю. Мне начинает казаться, что я отдохну от своего телефона лишь в сумасшедшем доме.

АЛЕКСЕЙ АКИМЕНКО.

Москва

Уважаемый Крокодил!

В один прекрасный солнечный день в редакцию анапской газеты «Знамя колхозника» явился скромный молодой человек, который попросил опубликовать в газете следующую заметку:

«В Анапу приехал ленинградский писатель Ан. Терской. Кроме отдыха писатель предполагает в Анапе продолжать работу над своей книгой рассказов, объединенных общей темой — большого значения так называемых мелочей. Книга покажет, к каким огромным последствиям приводят иногда кажущиеся «пустяки». Рассказы охватывают время от эпохи гражданской войны до наших дней. Некоторые сюжеты будут построены на анапском материале, в частности на материале одного санатория.

Не трудно догадаться, что автором этой актуальной заметки был сам Терской, кандидат в члены ленинградского отделения Союза советских писателей, собирающийся «работать» на материале одного из анапских санаториев.

Так как наша газета «Знамя колхозника», к сожалению, ограничена небольшим тиражом и обслуживает только анапский район, просим тебя, уважаемый Крокодил, опубликовать эту заметку, имеющую, безусловно, общесоюзное значение.

Редактор газеты
«Знамя колхозника»
Г. КУБАРЕВ

Анапа.

Дорогой Крокодил!

Знаешь, чем премировали одного мальчика из 6-го класса нашей Орехово-Зуевской образцовой школы № 1? Подержаной книжкой «Чапаев» со штампом библиотеки и кармашком. Другому мальчику, отличнику, преподнесли коробку дешевых леденцов, третьему — отрез на трусики. Они, бедняги (мальчики, а не трусики), готовы были сквозь землю провалиться от стыда и обиды за такое премирование. А ученики, получившие в четвертях круглое «посредственно», видя все это, убедились, что находятся на правильном пути. Живешь себе тихо, спокойно, а в конце года никто не посмеет под звуки торжественного гуша

публично опозорить тебя премиальными трусиками или подержаной книжкой с вырванными страницами!

Ученик 1-й образцовой школы

С. СИДОРОВ

Орехово-Зуево.

Дорогой Крокодил!

Халтурщики, кочующие по городам и весям нашей обширной периферии, обожают районные центры. Им кажется, что неискушенная районная публика с удовольствием проглотит любой суррогат искусства, каковым в розницу торгуют лихие эстрадные коробейники. Как жестоко иногда они ошибаются, показывает случай со «знаменитым артистом» А. И. Лалетиним, заскочившим в наше районное село Убинское.

На протяжении двух часов Лалетин мучил публику грубыми, плохо исполненными акробатическими номерами, пошлыми остротами, неграмотными стишками и страшными чечеткой, от которой дребезжали стекла. Публика вежливо молчала.

Когда представление окончилось, завклубом сел писать о том, что публике понравилось выступление Лалетина. Но публика узнала об этом и запротестовала. Тогда пьяный Лалетин сказал:

— Позвольте, вы же мне не свистели, значит, вам мои номера понравились. Завклубом поставил вопрос на голосование.

Три человека робко подняли руки. Повидимому, из сострадания. Остальные дружно проголосовали против лалетинской халтуры. Знаменитый артист выругался, надел шляпу и убежал. «Его пример — другим наука», — как сказал поэт.

Директор неполной средней школы

И. ШАМИН.

Село Убинское,
Западносибирский край.

Дорогой Крокодил!

В дополнение к твоей заметке о танцах в противогазах в г. Новосибирске сообщую о том, что 21 июня в Киеве, на стадионе «Динамо», тоже танцевали в противогазах. Если у тебя есть сведения о том, что где-нибудь со-

стоялись вокальные и хорové выступления в противогазах, сообщите, пожалуйста, мне об этом.

Н. ФИЛИМОНОВ.

Киев.

Дорогой Крокодил!

Прости меня, что обращаюсь к тебе с необычным делом.

Если ты помнишь, в прошлом году на строительном совещании при ЦК партии я выступил с обязательством, что Корневский завод, которым я руковожу, даст 70 миллионов штук кирпича. Скептики подняли меня насмех. Они заявили, что я занимаюсь демагогией, что это только слова. Прошло несколько месяцев, завод не только выполнил свое обязательство, но дает сейчас значительно больше кирпича — 84 миллиона штук. И это без бахвальства все еще не предел! Я мог бы дать еще больше кирпича, если бы я работал лучше.

Из своей работы я не делаю никакого секрета. Я обратился с призывом ко всем директорам силикатных заводов обменяться со мной опытом. Я вызвал их на соревнование. Мое письмо было напечатано в центральных газетах, но на мое письмо откликнулся... только один завод и то письменно.

Тяжело у нас с выполнением программы. Я много ждал от пленума Совета при наркомате местной промышленности. Я думал, вот выступят директор и расскажут, почему отстают их заводы, что им мешает работать. А слышал я одни только проценты. Что скрывается за этими процентами, — осталось для меня тайной. Можно ли увеличить эти проценты и каким образом, на это ответа я не получил.

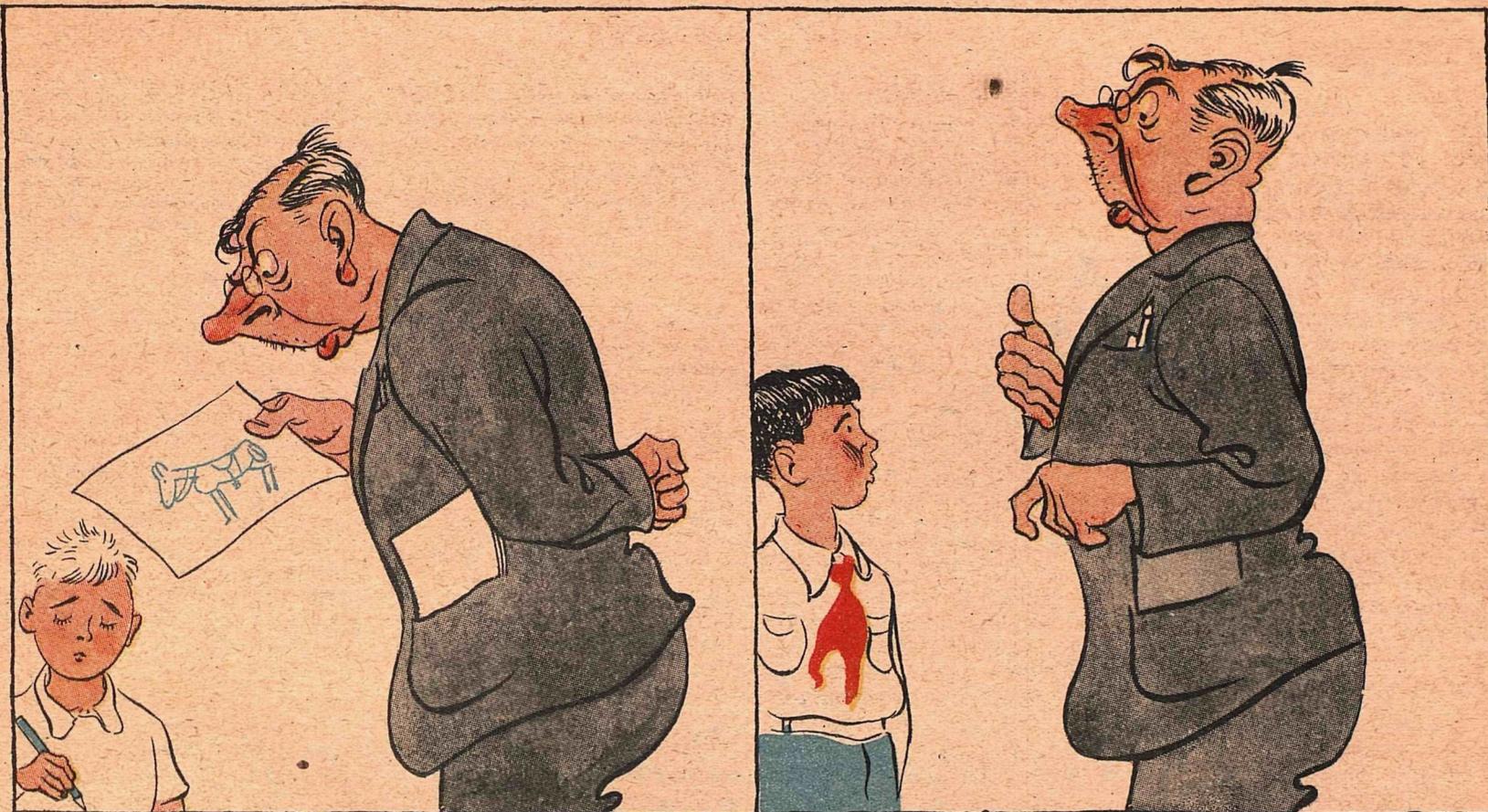
Разрешите мои сомнения, дорогой Крокодил. В чем беда: во мне, в недостатках моего слуха или в плохой акустике зала. Или, может быть, причина кроется в чем-нибудь другом.

Директор Корневского силикатного завода, член Совета при наркомате местной промышленности РСФСР

А. ИМНАЙШВИЛИ.

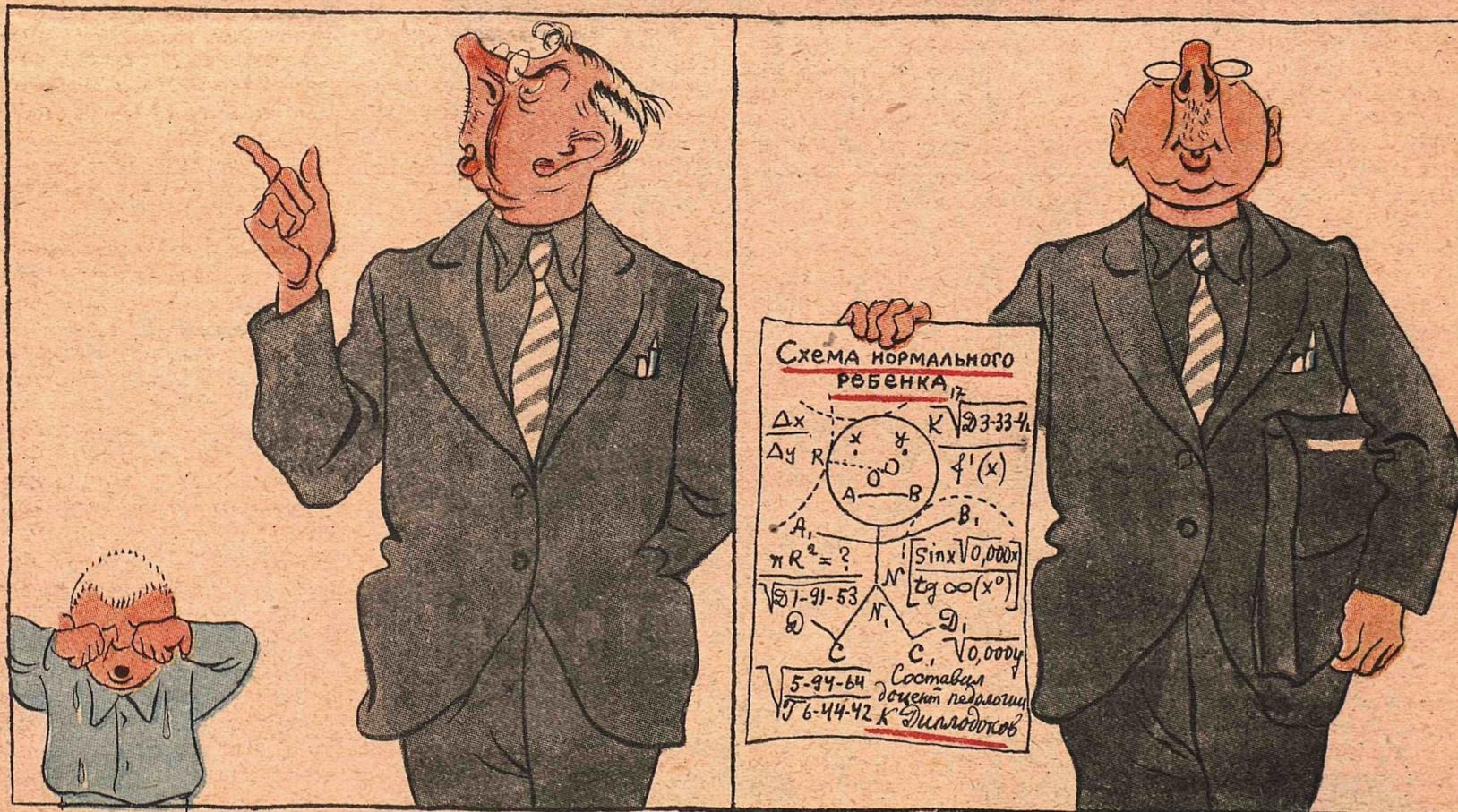
ИЗ НЕДАВНЕГО ПЕДОЛОГИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО

Рис. Бор. Ефимова

ПЕДОЛОГ: — Я дал ребенку синий карандаш и предложил ему нарисовать какое-нибудь животное. Он нарисовал лошадь. Налицо признак дегенеративности ребенка: рисует синюю лошадь. Требуется большая воспитательная работа.

— А вот ребенок с ярко выраженным слабоумием. Я спрашиваю ребенка: «Какая разница между мною и ослом?» Ребенок сначала молчит, а потом отвечает: «У осла уши длиннее». Налицо полное отсутствие наблюдательности. Придется выделить в школу для умственно отсталых.

— Этот ребенок забыл свою книгу дома и тайно взял книгу у соседа для списывания во время письменной работы. Он совершил сразу три преступления: 1) обманул учителя, 2) обманул советскую власть, требующую от него добросовестной учебы, 3) украл книгу соседа. Это социально опасный тип неисправного злодея. Необходимо немедленно проолеровать.

— Здесь вы имеете схему нормального ребенка, составленную персонально мною. Как мы видим, схема крайне проста, вдумчива и доступна каждому педологически настроенному индивидууму.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ДОКЛАДУ

Недавно руководитель мебельной промышленности тов. Григорьев выступал с очередной хвастливой речью на заседании Совета при наркоме лесной промышленности. Остановленный наркомом тов. Лобовым, почтенный творец славянских шкафов прервал свою оду и по просьбе присутствующих вслух прочитал передовицу из «Правды», в которой мебельной промышленности было воздано по заслугам.

Прочитав передовицу, Григорьев сел на свой стул и в тот день больше своими достижениями не хвастал. Мы выражаем сожаление, однако, что он сел не на стул фабрики «Универсальный мебельщик» из системы ленинградского Древромсоюза.

О замечательном качестве стульев этой фабрики эпически спокойно рассказывает акт, составленный работниками Мурманского управления Главсевморпути.

«Спинки стульев сделаны не на шурупы, а на шпильки, вследствие чего, при опоре спиной на спинку стула, последняя выпадает, а у некоторых стульев легко извлекается руками.»

Рис. Л. Генча

- Лекарство после обеда принимаете ежедневно?
- Принимаю после обеденного гудка, герр доктор: обедаем мы не ежедневно.

ПАРТИЙНЫЕ ДЕТИ

Зоя Платонова из Казани прислала нам такое письмо.

«У меня сегодня с утра скверное настроение несмотря на то, что мне всего лишь 8 лет. Почтальон принес нам свежий номер местной газеты «Красная Татария». На последней странице газеты, в отделе «Известия», написано:

«В детском парке культуры и отдыха сегодня, в 4 часа дня, в честь Всетатарского съезда учителей состоится массовое гуляние детей.»

Вход по партийным билетам.»

Бедная Зоя Платонова, 8 лет! В парк пойти хочется, но туда ее как беспартийную не пустят.

Взять с собой папу — маму? Но папа — мама тоже беспартийные! Заставить же заместителя редактора «Красная Татария» тов. Анушкина внимательно читать тексты известий и не пропускать в газету политически вредные глупости беспартийный ребенок Зоя тоже не может!

Есть от чего Зое Платоновой придти в плохое настроение!

ЗАМЕСТИТЕЛЬ БАБОЧКИНА

Народный артист Бабочкин, наверное, и не подозревает, что у него появился дублер — заместитель.

Этот интересный факт сообщила своим читателям газета «Сталинградская правда», поместившая в номере от 2 июля такое объявление:

ЗВУКОВОЙ КИНОТЕАТР «ПРИЗЫВ»
ЗВУКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ «ЧАПАЕВ»

В ГЛАВНОЙ РОЛИ ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ

С нетерпением ждем, когда рассеянные поклонники Игоря Ильинского из «Сталинградской правды» угостят потрясенную публику новыми эффектными известиями:

«Сегодня в оперном театре «Кармен», опера Бизе. В роли Кармен Игорь Ильинский.»

«Сегодня в цирке Дуров со своими дрессированными морскими львами. В роли Дурова Игорь Ильинский, в роли морского льва — он же.»

Нельзя, товарищ редактор, так наваливаться на одного человека.

ТАНКИ НА ПОЛЯНКЕ

Хороших стихотворений на оборонную тематику у нас, признаться, маловато. Но теперь можно быть спокойным. За это дело горячо взялась газета «Псковский колхозник», уже осчастливившая нас мощным оборонным шедевром под кудрявым названием «Танки на полянке».

*Трах-бах!
Пушки,
Пушки
На-опушке.*

*Трах-бах!
Танки,
Танки
На полянке.
Слева —*

*артиллерия,
Справа —
кавалерия.
Впереди — пехота.*

Детально описав диспозицию войск, автор шедевра посвящает прочувственные строки командиру, который, понятно, скачет впереди войска на «коне вороном».

*Конь бежит,
Бежит, бежит.
Под конем
Земля дрожит.
Раз, два,
Три, четыре,
Красная
Армия —
Первая
В мире.*

Всем хорошо стихотворение «Танки на полянке»: и глубиной мысли и блестящей формой. Одно плохо: «танки» — вещь подражательная. Автор явно находится под влиянием безыменной кормилицы, сочинившей в свое время классическую поэму про бедного зайчика:

*Раз, два,
Три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять.
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Пиф-паф, ой-ой-ой,
Умирает зайчик мой.*

«Танки на полянке» написал Владимир Павлов из колхоза «Путь пахаря». Повидимому, его «Танки» только потому и увидели свет, что автор их — колхозник. Медвежьей услугой оказалась редакция этому начинающему стихотворцу.

ЧУТКИЙ ЗАЙЦЕВ

В селе Каменском, Коссиоровского района, Днепропетровской области, умерла учительница Нина Лисовец. Ее отец, колхозник Андрей Лисовец, обратился к заведующему коссиоровским районным отделом народного образования с просьбой выдать ему «відпускні гроші», причитавшиеся его покойной дочери.

Чуткий и умный Зайцев на заявление старика-колхозника наложил такую резолюцию.

«Компенсация т. Лисовец не выдается, вона має право на відпуск натурою!»

Правильно, Зайцев! Порядок прежде всего. Учительница Лисовец обязана была сначала использовать отпуск, а потом уже подать заявление и помереть с разрешения начальства.

И вообще нет такого лозунга о чутком отношении к покойнику!

УНЫЛЫЙ ПОДАРОК

Рис. К. Ротова

Мы не знаем, удобно ли по правилам хорошего тона возвращать подарки в случае их недоброкачества? Ведь старая поговорка утверждает, что дареному коню в зубы не смотрят. А к тому же еще, мол, — не подарок дорог, а внимание.

Драматург Евгений Яновский посвятил нам — комсомольцам Метростроя — свою новую пьесу «Столица». С одной стороны, мы как будто должны быть признательны, что наши дела отныне увековечены памятником искусства, а с другой — мы не знаем, как избавиться от такого памятника.

Кто прочтет пьесу, тот нас поймет. Работа на строительстве метро, оказывается, чепуховая работа. Нет ничего легче. Берешь в руки лопату, соревнуешься на быстроту и ставишь рекорды. Вот и все! Механизмы, шиты, кессоны — все это ни к чему! Зачем усложнять действия?

У бригады — простой. Но бригада молодежная, образованная, ударная. Как же она борется с простым? Очень просто: идет в буфет кушать свежие пирожки.

Никакого героизма, доблести, и за что только правительство наградило московский комсомол орденом Ленина?! Непонятно!

На строительство метро были мобилизованы тысячи молодых ударников московских фабрик и заводов. Под непосредственным руководством Л. М. Кагановича и Н. С. Хрущева они росли вместе с метро, из фабзайчат они превратились в квалифицированных мастеров, бригадиров, начальников смен. Одним словом, это культурные, советские ребята.

А Евгений Яновский вывел нас какими-то тупицами, грубиянами, будто мы других выражений не знаем кроме: дурак, осел, идиот, сволочь.

Один из героев пьесы, Дима, хочет учиться. Для этого он решил бросить шахту и уехать в Свердловск. Зачем именно в Свердловск? Ведь и в Москве и на метро сколько угодно учебных заведений — курсы, техникумы, институты. Ведь большинство

из нас совмещало работу на метро с учебой.

Мобилизация на шахту ударила Диму по карману. Это уже наглая ложь. Наш заработок с приходом на метро значительно увеличился. Отдельные комсомольцы зарабатывали до 1000 руб. в месяц.

Строительству метро посвящена и другая пьеса — «Дальняя дорога». Мы смотрели эту пьесу в Московском трампе. Нам стыдно было за нее перед делегатами X съезда комсомола, которые вместе с нами были в театре.

Пьеса Яновского «Столица» включена в репертуар Московского театра революции. Этот театр шефствовал над 47-й шахтой первой очереди, где работало большинство из нас. Шефствовал театр хорошо. Мы шефом

были весьма довольны. Неужели теперь наша дружба будет омрачена и театр действительно поставит «Столицу»?!

Мы думаем: с Театром революции как-то стоворимся. А остальные театры Советского союза? Ведь главный репертуарный комитет разрешил пьесу по литеру «А». В переводе на русский язык — это значит пьесу рекомендуют ставить повсюду. Нечего сказать — удружили!

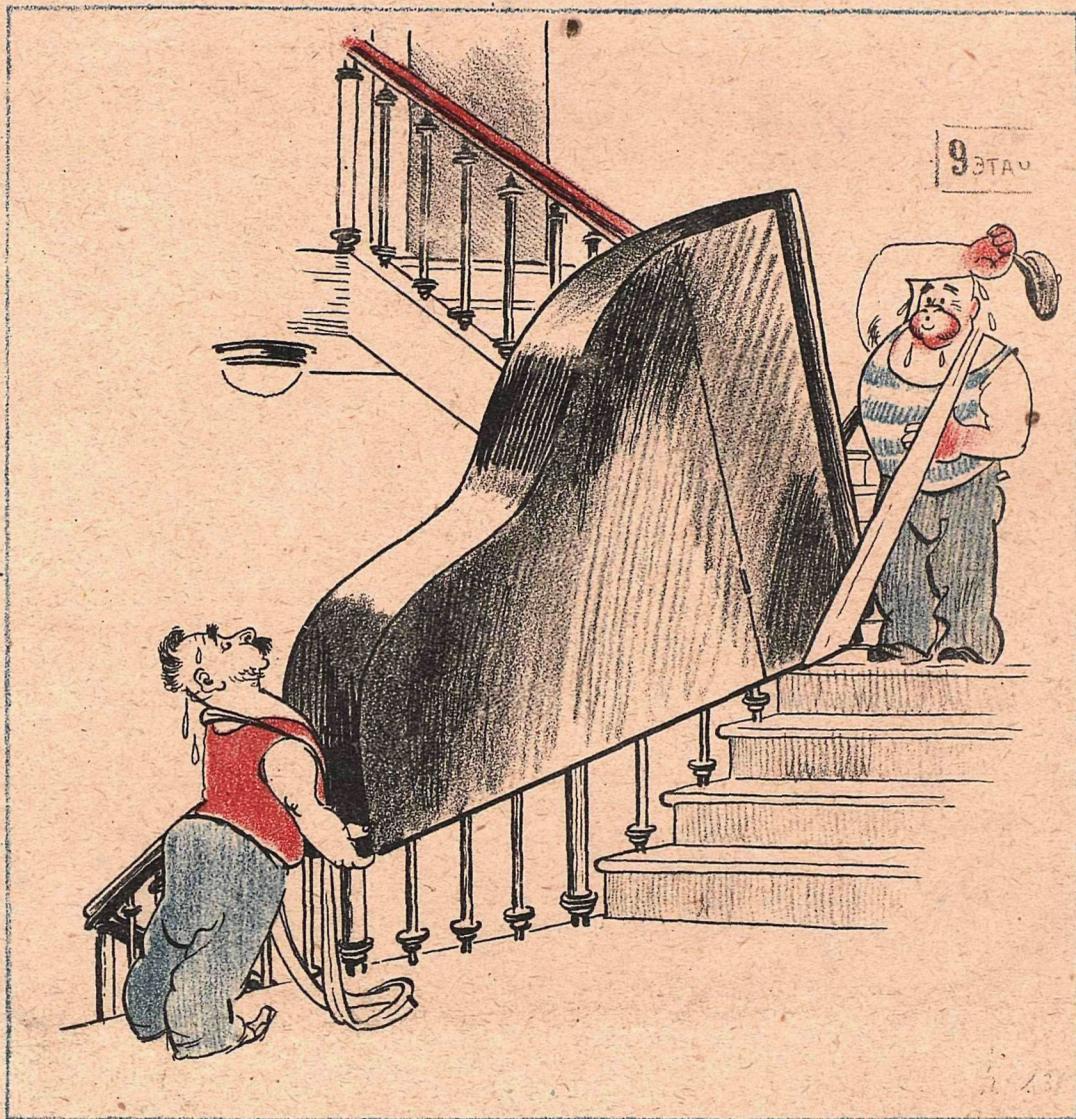
Товарищи комсомольцы Архангельска и Тифлиса, Хабаровска и Минска! Товарищи читатели Крокодила! Если в ваших городах паче чаяния поставят пьесу «Столица», — знайте, вам предлагают явный и заведомый брак.

Автора пьесы, Евгения Яновского, ставим в известность: он свою пьесу посвя-

тил метростроевской комсомолки. Хоть это, быть может, и не совсем ему приятно, но мы категорически отказываемся от столь высокой чести — гнилые подарки нам не нужны.

КОМСОМОЛЬСКИЙ АКТИВ ШАХТЫ МЕТРО № 61:

Рогов — секретарь комитета комсомола, Погребецкий — член комитета, десятник, Васляев — дежурный слесарь, Волченков — тюбенщик проходчик, Шорин — проходчик, Семенов — маркшейдер, Пазилев — инструктор физкультуры, Перцин — член комитета, нач. комсомольской смены, Зинин — член комитета, проходчик, Широков — десятник, Трубачев — член комитета, бригадир бетонщиков, Ежов — проходчик, Макаревский — член комитета, начальник смены, Кашперова — маркшейдер, Гевергизов — бригадир, изолировщик.

— Что касается меня, то я из музыкальных инструментов предпочитаю скрипку.

16 АВГ 1936

Рис. Л. Вродаты

Общ. Агит. Агитаторы
9 - АВГ 1936
Восп. НК. Кат. Получены

— Н-да... Делишки у этого колхоза, видно, неважные... Даже соломы на крыши не хватает.